

РАЗДЕЛ I. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

УДК 117

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-1-6-23

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ ФИЛОСОФИИ НАУКИ. ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ГЕНЕРАЦИИ И РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ (I)

Батурич В.К.

Независимый исследователь, Россия

Аннотация. В работе предложена новая философская теория генерации и развития научного знания, способная не только описать и объяснить важнейшие динамические особенности процесса научного открытия, но и поставить и успешно решить проблему осознанного управления эвристической активностью исследователя. На основе этой теории предложена новая типология научного знания, в которой основанием классификации выступают именно процессные различия производства и динамики открытий.

Ключевые слова: философия науки, глобальные программы развития научного познания, научное знание, генерация и развитие научного знания, познавательная традиция, эвристика, управление, методология и технология научного открытия, типология научного знания.

COGNITIVE TRADITIONS AS AN OBJECT OF STUDY OF THE PHILOSOPHY OF SCIENCE. COMMON THEORY OF GENERATION AND DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

V. Baturin

Independent researcher, Russia

Abstract. The paper proposes a new philosophical theory of generation and development of scientific knowledge that can describe and explain not only the most important dynamic features of the scientific discovery process, but also positively solve the problem of conscious control over researcher's heuristic activity. On the basis of this theory, a new typology of scientific knowledge is offered, in which the basis for classification is precisely the process differences in its production and dynamics.

© Батурич В.К., 2018.

Key words: philosophy of science, global programs for the development of scientific knowledge, scientific knowledge, generation and development of scientific knowledge, cognitive tradition, heuristics, management, methodology and technology of scientific discovery, typology of scientific knowledge.

Исследуя основные глобальные программы (ГИП) развития научного познания современной философии науки [5] и разрабатывая новую собственную ГИП – деятельностно-феноменологическую [6], – мы обнаружили крайне важное явление в любых процессах зарождения и развития научного знания, т. е. фактически в тех самых таинственных и загадочных процессах, которые напрямую связаны с самим процессом производства (открытия) научного знания [23]. Этот феномен состоит в атрибутивном участии в этих процессах различных познавательных традиций, выполняющих в процессе научного познания сразу две важнейших функции:

– роль главного “строительного материала” (сырья) в каждом элементе движения к истине на концептуальном (именно на концептуальном!) уровне их построения;

– роль особых “синергетических рулей” (управленческих директив), определяющих общее направление поиска научного познания.

Иначе говоря, сущность познавательных традиций и их роль в науке – принципиально векторная, т. е. двумерная: содержательно-конструктивная и одновременно познавательно-директивная.

Естественно, что мы не могли пройти мимо такого важного феномена, тщательно и всесторонне его изучили и в итоге разработали новую авторскую теорию генерации (производства) и развития любого научного зна-

ния, которую и предлагаем в качестве главного предмета научного исследования в серии из трёх наших научных статей.

Если сразу попытаться оценить принципиальную значимость этой новой авторской теории, необходимо отметить прежде всего то, что она позволяет философски понять и описать многие методологические и технологические стороны научного открытия как главного и самого желанного результата любых научных поисков. Это, в свою очередь, в своей совокупности даёт возможность каждому учёному начать целенаправленное управление всем процессом научного познания, т. е. на глубинном и сущностном уровне наконец-то в значительной степени преодолеть стихийный и случайный характер научного открытия, более того, поставить их на определённую технологическую управленческую основу. Управлять процессом научного открытия – разве это не заманчиво? Разве это не значимо? На наш взгляд, решение этой проблемы не менее важно, чем решение проблемы управления, например, термоядерной реакцией.

Начать необходимо с того, что в научной и философской литературе достаточно полно освещено то крайне негативное и разрушительное влияние, которое оказывает на научную мысль, увы, всё ещё во многом господствующий позитивизм, всегда уводящий исследователя на ложный путь научного поиска: не ради служения истине, но “пользы для”, не ради глу-

бины познания, а лишь для ответа на вопрос «как это практически использовать». Причин такого положения дел, очевидно, несколько, но на одной из них, на наш взгляд, относящейся к наиболее существенным факторам, следует остановиться более подробно и системно. Дело в том, что одной из главных методологических установок позитивизма является повсеместное и умышленное игнорирование им предшествующего познавательного опыта и имеющихся научных традиций в том или ином исследовании самых разных проблем. В этом плане их решение учёный-позитивист всякий раз начинает как бы с нуля, как бы «с чистого листа», поскольку для позитивиста совершенно не значимо всё то, что было до него, все предшествующее вообще им игнорируется, оно для него совершенно не существенно. В этом плане позитивизм полностью нарушает общепринятые каноны любого научного исследования, которое всегда принято начинать именно с осмысления степени разработанности проблемы, с анализа именно всего предшествующего опыта. В позитивизме всё совсем не так, и вот почему: изначально провозглашаемая О. Конттом, Г. Спенсером, Дж.С. Миллем, У. Уэвеллом, Дж. Гершелем так называемая новая философия объявляется, во-первых, подлинно «здоровой» в противоположность старой, «метафизической», философии и, во-вторых, абсолютно себе самодостаточной, не нуждающейся в каком-либо предыдущем опыте познания. Более того, новая позитивная философия отвергает предыдущий философский опыт исследования проблем развития науки как опыт принципиально химери-

ческий, никуда непригодный, сомнительный и смутный.

Именно так отделял новую философию от старой общепризнанный основоположник позитивизма О. Конт, давая своё известное истолкование понятию «позитивное»: реальное в противоположность химерическому; полезное как оппозиция негодному; достоверное в противоположность сомнительному; точное как антипод смутному; положительное как оппозиция отрицательному, предназначенное «по своей природе преимущественно не разрушать, но организовывать» [25, с. 251]. Подлинно научный метод, по О. Контту, заключается в использовании индуктивных логических процедур опытного знания. Последняя, высшая стадия эволюции научного знания способствует рациональной организации жизни всего общества при полном отказе как от теологического, так и от метафизического, и в этом плане именно позитивная философия якобы является окончательным состоянием человеческого ума. Второй закон О. Конта (закон постоянного подчинения воображения наблюдению) постулирует наблюдение в качестве универсального метода приобретения знания, поскольку этот метод помогает освободиться от ненаучных догматических предрассудков и стать на твёрдую почву фактов. Конт подчёркивает, что учёный наблюдает только явления, а не их причины и сущности, а потому наука по своей сути является описательной – отсюда необходимость замены объяснения (ответа на вопрос «почему») описанием (ответом на вопрос «как»). Классификация наук (третий закон О. Конта) осуществляется на основе реализации

следующих принципов: движение от простого к сложному; от абстрактного к конкретному; от древнего к новому в соответствии с историческим развитием. Философия науки, согласно Конту – это философия нового типа, которая противопоставляется метафизике в том отношении, что из философии науки изгоняются неизбежно неразрешимые вопросы. Общий характер позитивной философии определяется, по Конт, открытием неизменных естественных законов, сведение которых к минимуму и составляет цель интеллектуальных усилий. Эти усилия направлены не на поиск причин (как первичных, так и конечных), а на описание явлений и логических законов человеческого разума. Цель же и назначение философии – систематизация человеческой жизни, гармонизация, единство личного и в особенности коллективного существования во всех основных проявлениях – в мыслях, чувствах, действиях.

Этому – крайне важному, на наш взгляд, описанию особенностей позитивизма как философии без философии, как философии, построенной исключительно на самом научном знании, без метафизики, не уделялось должного исследовательского внимания. Именно это побудило нас осуществить общий философский анализ роли познавательных традиций в развитии науки и философии, в результате чего мы обнаружили не только важность и актуальность решения этой проблемы по отношению к позитивизму, но и по отношению к таким актуальным и общим научным задачам, как поиск сущности процессов рождения и развития любого научного знания, раскрытие глубинных особен-

ностей феномена научного творчества, постижение общей природы и оснований сущностной типологизации научного знания и т. д. Именно об этом наш цикл научных статей, в своей совокупности предлагающих новую авторскую теорию рождения и развития научного знания в процессе познания.

Прежде всего отметим, что анализу роли традиции в науке посвящены многочисленные работы отечественных и зарубежных учёных: М. Хайдеггера [43], Х.-Г. Гадамера [10; 47], П. Рикёра [33], Б. Рассела [32], Г. Башляра [7], Т. Куна [22], П. Фейрабенда [39], М. Полани [31], Ф. Франка [42], Дж. Бернара [8], П.П. Гайденко [11], В.С. Степина [35], Б.Т. Алексеева [1], Т.Г. Лешкевич [25], Н. Злобина [15], В.А. Лекторского [24], Л.А. Микешиной, М.Б. Опенкова [28], В.В. Налимова [29], А.Л. Никифорова [30], В.А. Яковлева [46], В.С. Швырева [44] и др. Особо пристальный интерес к значению познавательной традиции в философии, истории философии и философии науки возник, как широко известно, после работы Т. Куна «Структура научных революций» [22]. Из последних ярких работ, посвящённых данной тематике, отметим прежде всего следующие статьи в специализированных журналах по философии науки: А.Ю. Сторожука [36], И.Э. Ключанова [19], С.С. Гусева [13], Ю.В. Синеокой [34], Е.В. Афонасина [4].

Справедливости ради надо отметить, что философы и учёные ещё задолго до Т. Куна говорили о значимости традиции. Приведём лишь несколько высказываний: «Традиция является могучей силой не только в католической церкви, но и в естествознании» (Ф. Энгельс) [27, с. 315]; «Что

и как бы мы ни пытались помыслить, мы мыслим в пространстве традиции» (М. Хайдеггер) [43]; «Всякое восприятие и понимание вовлекают в действие предрассудки, описываемые в терминах некоторой частной интерпретационной парадигмы, следовательно, даже методологически обоснованные суждения, которые мы считаем объективными, являются предрассудками» (Х.-Г. Гадамер) [47, с. 80].

В определённом смысле предшественниками Т. Куна были И.В. Гёте, Г.В.Ф. Гегель, Н. Гартман, которые активно использовали понятие *Zeitgeist* (“дух времени”), некий аналог современного понятия парадигмы. Так, согласно Н. Гартману, общее духовное состояние времени, которое опосредованно влияет на развитие научного знания, включает в себя «прежде всего язык, затем следует производство и техника, господствующие нравы, действующее право, господствующие ценности, господствующую мораль ... место и состояние познания и науки, господствующее мировоззрение» [41, с. 146].

Обычно под традицией (от лат. *traditio*) понимается передача опыта, знаний из поколения в поколение. Но Н.И. Кузнецова и М.А. Розов дают следующее, более точное, на наш взгляд, определение традиции: «Традиция – это воспроизведение старого (воспроизведение образца) в новых условиях, в новой ситуации» [21, с. 69]. Но и это определение вряд ли способно ответить на вопрос о том, какова же роль познавательной традиции в самом процессе научного поиска, творчества, вообще в любой активности людей. Чтобы в полной мере “схватить” значимость традиции как таковой, следует обратить свой взор ещё на одну крайне

важную черту, имеющую к традиции самое непосредственное отношение – на авторитарность древнейшего мифологического сознания. Что это значит? Миф, как известно, не предоставлял индивиду возможностей для свободного выбора каких-либо альтернатив его поведения, не допускал никакого критического отношения к собственному содержанию, к ритуалам, табу, праздникам, инициациям и т. д. Иначе говоря, можно утверждать, что мифологическое начало появилось и существовало как мощная традиция, обязательная для всех членов первобытного общества без какого-либо исключения, а принудительное следование этой традиции обеспечивалось такими особенностями мифологического сознания, как коллективность, ритуальность, суггестивность, символичность. Естественно, что такая авторитарная традиция могла в течение продолжительного времени поддерживать устойчивые, неизменные представления о мире у своих последователей. Как подчёркивает И.Т. Яковенко, «динамика в сознании нашего далёкого предка рождается тогда, когда умирает восприятие универсума человеческой деятельности как Ритуала, творимого в безграничном храме Божьего Мира, когда деятельность начинает рассматриваться через призму рационально понимаемых целей, смысла и результата. Когда архаический кузнец, творя заклинания перед началом работы, переживает свой труд как служение богам и духам горна – он воспроизводит вечный и неизменный мир Традиции. Когда же ... владелец кузницы работает ради того, чтобы произвести максимальное количество товара такого качества, который может быть

продан по выгодной для него цене – он воспроизводит мир безграничной динамики; это соответствует переходу от ценностно-рациональной к целерациональной деятельности доминанте» [45, с. 109].

Именно мифологическое мышление, основанное на жёстких, обязательных предписаниях, следование которым подобно движению в колее, породило целый ряд таких мощных и долгоживущих традиций, которые продолжают действовать и поныне, будучи «встроенными» в мышление современного человека, в том числе и в научное мышление. В этом плане современное мышление во многом сохраняет черты мифологического сознания, которое полностью не исчезло. Прав был К. Ясперс, когда утверждал, что традиция вообще неустранима из нашей истории, поскольку само историческое существование человека возможно только благодаря постоянному обращению к непреходящим духовным свершениям прошлого. Историческое «является традицией благодаря авторитету и составляет непрерывность благодаря воспоминанию о прошлом ... Историческое – это гибнущее, но вечное во времени ... несовершенство человека и его историчность – это одно и то же ... Поэтому чем больше мы его постигаем, тем больше поражаемся и всё снова продолжаем искать» [48].

Какие же традиции из мифологических времён остаются действенными до сих пор? Какие традиции можно в полной мере назвать инвариантными для человеческого познания? Главным подобным инвариантом является, на наш взгляд, познавательная традиция, сообщающая о своего рода Едином плане, согласно которому происходит

всё во Вселенной. Мифы многих народов мира посвящены описанию подобных планов рождения и развития Вселенной. Несмотря на все многообразие и пестроту мифологических представлений, неизменно в них именно общее стремление охватить и описать мировое Целое в соответствии с какой-либо единой, чаще всего иерархической, схемой. Главный вопрос, волновавший древнегреческих философов, состоял, по мнению многих исследователей, в следующем: «лежит ли в основе всего, что происходит во Вселенной, некий единый план»? [18, с. 19]. Единый план как традиция познания, как одна из главных его парадигм, развиваясь, приобретает в дальнейшем иные облики, сохраняя при этом своё основное содержание. Так, со времён пифагорейцев этот план начинает пониматься математически: «Пифагорейцев поразило, что весьма различные в качественном отношении явления обладают одинаковым математическими свойствами ... значит ... математические свойства выражают сущность явлений» [18, с. 21]. По преданию, Пифагор, поражённый царящим в мире порядком и гармонией, назвал мир космосом, т. е. гармонически упорядоченным единством. Но интересно, что и сами представления пифагорейцев о мировой гармонии опирались на их математические и акустические открытия, благодаря которым были установлены числовые отношения для музыкальных интервалов – тона, кварты, квинты, октавы. Однако затем эти отношения были экстраполированы на весь космос как на некий «громоздкий музыкальный инструмент» [16, с. 101].

Надо отметить, что именно от древнегреческих мыслителей ведут своё

начало традиция союза математики и естествознания, математизация наук вообще. В основе этой традиции лежат представления о единстве окружающего мира, его содержательно-структурной однородности и, как следствие, принципиальной возможности переноса закономерностей из одной предметной области познания в другую. Математизация познания соединилась с традицией поиска единого плана, что привело к возникновению представлений о Математическом плане, в соответствии с которым мир создан и существует. Среди зачинателей и последователей этой традиции можно назвать Пифагора, Платона, Аристотеля, Евклида, И. Кеплера, Р. Декарта, Г. Галилея, И. Ньютона и других учёных.

Другая древнейшая традиция, один из главных инвариантов нашего отношения к миру – традиция библейская (в Библии, кстати, также представлен Единый план сотворения мира), утверждающая, что человек является венцом творения и что остальной мир отдан ему во владение и пользование. Начиная с эпохи Нового времени, идея человека как господина, как хозяина окружающей действительности совершает своё поистине триумфальное шествие – ведь именно таков был замысел основателей европейской науки. Сошлёмся для иллюстрации сказанного на высказывание Р. Декарта: «Вместо умозрительной философии, преподаваемой в школах, можно создать практическую, с помощью которой, зная силу и действие огня, воды, воздуха, звёзд, небес и всех прочих окружающих нас тел ... мы могли бы использовать и эти силы во всех своих собственных им применениях и стать, та-

ким образом, как бы господами и владельцами природы» [14, с. 286].

Как продолжение и следствие этой традиции возникает другая – традиция противоборческого отношения к природе: природу надо целенаправленно использовать, покорять, обуздывать, ставить на службу для достижения целей и задач человека – для удовлетворения всевозможных потребностей его как полновластного хозяина, созданного по образу и подобию Бога. В настоящее время человечество в полной мере осознало “прелести” этой традиции, её тупиковость и грозящую катастрофичность.

Ещё одна древняя познавательная традиция, ведущая свою историю со времён древнегреческих натурфилософов – поиск архэ, первоначала всего сущего: «в природе, как и в полисе, одной из стихий должно принадлежать господство, власть, этот смысл заключён в греческом слове *ἀρχή*, так же как и в русском слове “начало”» [16, с. 32]. В этой связи нам хотелось бы особенно подчеркнуть два момента.

Во-первых, поиск архэ «в природе, как и в полисе» обнажает, на наш взгляд, один из важнейших эвристических приёмов познавательной деятельности – экстраполяцию знаний, полученных в одной предметной области (в “полисе”), на другую предметную область (“природу”).

Во-вторых, обратим внимание на то, что архэ (первооснова мира) греческими философами понимается как господствующая, властвующая стихия, как некое ядро знания, обладающего определёнными экстраполяционными возможностями, а потому и “властвующего” в той мере, в которой как раз и возможна экстраполяция его содержания.

Немаловажным нам представляется также и то, что греческая традиция поиска архэ – хозяина, господина мира в виде некой сущности (стихии) – с целью познать этот мир и овладеть им перекликается с библейской традицией понимания роли человека в мире. Познание, таким образом, может быть понято как овладение господствующим началом для того, чтобы господствовать самому. Познание с целью управления, для решения насущных человеческих задач – вот самый общий смысл такой важной и действующей до сих пор познавательной традиции, традиции поиска архэ.

Ещё одной неизменной по своему содержанию и поныне действующей традицией является поиск окончательного знания, истины, алетии (ἀλήθεια), под которой в Древней Греции понималось явное, несокрытое существование вещей, их открытый и доступный человеческому пониманию порядок. Считалось, что выступающее в алетии в качестве содержания всегда присутствует в мире и только “ждёт” своего часа (подобно созреванию плода), чтобы стать человеческим знанием. Напротив, «то, что мы называем научным знанием, как правило, не является знанием в платоновско-аристотелевском смысле, а, скорее, представляет собой информацию, касающуюся различных соперничающих гипотез и способов, при помощи которой они выдерживают разнообразные проверки» [12]. Хорошо видна эссенциалистская направленность нашего познания, ориентированного на постижение сущности происходящего в мире, исследующего «первые начала и причины» [3, с. 69].

Не имея возможности более или менее широко осветить прочие познавательные традиции – а число их очень и очень велико – рассмотрим лишь некоторые из них, релевантные интересующим нас проблемам. Такие традиции, как материализм и идеализм, критическая направленность философской и научной мысли, противопоставление бытия и сознания, субъекта и объекта, знания и мнения, сущности и ценности, эмпирического и теоретического либо уже были, либо ещё будут рассмотрены нами в данной работе. Но на одной из этих познавательных традиций, а именно на рационалистической традиции различения рассудка и разума, идущей от Канта и Гегеля, мы остановимся несколько подробнее, т. к. это крайне важно для решения задач данного нашего исследования.

Известно, что под рассудком в философии обычно понимается первичный уровень мышления, на котором оперирование абстракциями происходит в пределах схемы, заданного шаблона, жёсткого стандарта [20, с. 252]. Главной функцией рассудка является умение классифицировать и систематизировать факты. Логика рассудка – это формальная логика, уделяющая основное внимание готовым формам, а не содержанию знания. Разум же предполагает более высокий уровень рационального познания, для него характерны творческое оперирование абстракциями и сознательное исследование их природы. Только на этом уровне мышления задаётся вопросом о сущности вещей и законах, ими управляющих, стремится адекватно отразить эти законы в логике понятий, которые берутся в их всесторонней взаимосвязи и развитии. Главная

функция разума – объединение многообразного, вплоть до синтеза противоположностей, и выявление коренных причин и движущих сил изучаемых явлений. Логика разума – диалектика, понимаемая как учение о формировании и развитии знаний в единстве их содержания и формы [20, с. 253, 254]. Это важнейшее различие рассудка и разума будет нами учтено в дальнейшем.

В качестве примеров возникновения относительно новых познавательных традиций можно отметить: разделение рациональности на классическую, неклассическую, постнеклассическую (В.С. Степин) [35]; дихотомию теории познания на классическую и неклассическую (В.А. Лекторский) [37]; трансформацию понятия хаос в основной динамический фактор с точки зрения современной синергетики и др. Всё это позволяет говорить о новом, более сложном и целостном образе науки, которую «нельзя представить в виде линейной и одномерной упорядоченности уровней. Скорее это объёмная, многомерная структура, обладающая сложной топологией. Отдельные участки этой структуры обладают сильной связностью, что соответствует логической выводимости теорий, их синтезу и экстраполяции; в других частях мы обнаруживаем разрывы (неразрешенные противоречия, логические тупики) и расслоённые пространства» [35].

В связи с этим, подводя итог сказанному выше, нам кажется важным вновь остановиться на проблеме непрерывности и преемственности в научном познании, на проблеме диалектической связи традиции и её отрицания. Вспомним, что согласно Т. Куну,

в структуру научной парадигмы входит совокупность общепризнанных (традиционных) для данного исторического времени примеров, стандартов, образцов, схем решения конкретных научных задач, и, следовательно, парадигма предстаёт в облике некой господствующей в данную эпоху общей традиции, которая во многом определяет динамику, направленность, интерпретацию, практическую значимость научных исследований и поисков. С другой стороны, традиция нередко объявлялась мешающей процессу познания, от неё старались избавиться, «очиститься», устранить её деформирующее влияние. Скажем, такой приверженец традиций классического рационализма в XX в., как Э. Гуссерль, следуя рационалистической же традиции отбрасывания предшествующей познавательной традиции, вводит в философскую практику процедуру эйдетической редукции, назначение которой – устранить, исключить из поля зрения исследователя все относящиеся к предмету рассмотрения научные и ненаучные данные опыта, суждения, положения, оценки, так чтобы «сущность» предмета стала доступной познающему разуму во всей своей чистоте и незамутнённости. Очевидно, что гуссерлевская редукция критически направлена против познавательной традиции. Вообще говоря, традиция отказа от традиции весьма влиятельна, однако, как мы уже отмечали выше, не менее значимо в истории науки и противоположное. Эту диалектичность развития научного знания в своё время отмечал Нильс Бор: «Главное, что нужно себе ясно представить, это то, что всякое новое знание является нам в оболочке старых понятий, приспо-

собленных для объяснения прежнего опыта, и что всякая такая оболочка может оказаться слишком узкой для того, чтобы включить в себя новый опыт» [9, с. 95].

По нашему убеждению, развитие научного знания (в его сущностном, эссенциальном аспекте) в значительной степени подобно движению по колее, движению по неким рельсам, роль которых в различных областях науки выполняют именно познавательные традиции. В синергетике часто используется понятие “русло” примерно в том же значении, что “колея” или “рельсы”, и мы ещё не раз воспользуемся опытом синергетики в использовании этого понятия для анализа различных динамических процессов, связанных с рождением и развитием научного знания, с процессом научного творчества и т. д. Пока же обратимся к анализу не менее важных, чем эссенциальные аспекты, познавательных традиций – к анализу их ценностных (аксиологических) аспектов. Этой проблематике исследования посвящена вторая часть нашей статьи.

Заметим, что само разделение сущности и ценности, эссенциального и аксиологического аспектов, познания также является глубинной познавательной традицией, правда, присущей только философии. Впервые понятие “ценность” было введено Р.Г. Лотце в 1874 г. для различения бытия вещи и значимости смыслового содержания представлений об этой вещи, однако само ценностное отношение к действительности присутствовало в процессе развития знания всегда. Отметим, что, отказываясь от метафизики, так называемая новая философия науки (позитивизм), по существу, полностью

отстранилась от изучения ценностного, аксиологического аспекта научного познания, что явилось, на наш взгляд, серьёзным просчётом.

Что же представляет собой ценностное сознание, и как оно обнаруживает себя в научном познании? «Ценностное сознание находится на стыке, в расщеплении бытия на реальное и желаемое, сущее и должное, наличное и потребное» [40, с. 394]. Имея всегда данное, текущее состояние окружающей действительности, человек устремлён к некоему иному, другому, будущему состоянию, и вектор направленности этого другого, желаемого состояния мира определяется теми ценностями, которыми руководствуется человек. Нам кажется важным подчеркнуть отсутствие прямого соответствия между знанием и ценностью: обладая одним и тем же ресурсом знаний о мире, человек в зависимости от тех ценностей, которыми он руководствуется, может по-разному распорядиться этим знанием – во благо и во вред, для достижения высоких целей или низких, для жизни или смерти, для агрессии или защиты.

В деятельности человека всегда имеются две возможности: путь разрушения, когда человек определяет своё бытие, исходя исключительно из своей воли, ни с кем и ни с чем более не считаясь, создавая ситуацию полной вседозволенности и анархии, и путь миротворчества как путь преобразования и улучшения мира, устремлённости к новому будущему с опорой на традиционные общечеловеческие ценности. Какими же ориентирами определяется выбор пути развития, пути созидания будущего? Этими ориентирами как раз и являются ценности – общечеловече-

ские идеалы, цели, устремления, ради которых совершаются деяния человеческие как в малом, так и в большом, при ограничении групповых, классовых, национальных, партийных и т. п. интересов.

История философской мысли свидетельствует, что вопрос об отношении разума и нравственности, знания и ценности издавна волновал умы мыслителей. Уже софисты осознавали проблематичность различения добра и зла, равно как и нравственного самоопределения человека. Об отсутствии достоверных критериев познания и нравственного поведения говорит знаменитое изречение Протагора: «Человек есть мера всех вещей, существующих – что они существуют, и несуществующих, что они не существуют» [2, с. 121]. В отличие от софистов, Сократ (а вслед за ним и Платон) был убеждён в существовании незыблемых разумных основ нравственности. Он полагал, что все споры об относительности понятий добродетели, мудрости, мужества, справедливости ведутся не потому, что эти понятия – пустые, а, напротив, потому, что эти общие понятия охватывают собой такое многообразие проявлений, что человеку можно ослепнуть и оглохнуть от этого многообразия. Поэтому он и предлагал совершить “бегство в *λογοί*”, в рассуждения, чтобы с помощью разума определить истинные основания добродетели. Известно, что Сократ первым взялся исследовать особый тип причинной зависимости – не отношение вещей к вещам в природном мире, а отношение общего к частному в общественной жизни. «Если в основе принципа лежит объективная мера природы, то в основе идеала – объек-

тивная мера человеческого в человеке. Сократ, таким образом, открывает новый тип зависимости: “идеальные мотивы определяют реальные дела” [26, с. 85]. Сократ доказывал, что не кости и сухожилия определяют смысл и направленность человеческих поступков, а знания о справедливом и наилучшем, т. е. то, что и составляет ценности.

Столь же значимой, как в своё время эпоха софистов и Сократа для Эллады, стала для новой Европы эпоха Просвещения. Вспоминая слова Канта, можно сказать, что она была эпохой выхода человечества из несовершенного, эпохой, не знающей сомнений веры в разум, в науку, искусство, в человеческий труд, в принцип «*virtu vince fortuna*» – «достоинства побеждают судьбу». В это время воззрения и ценности, основанные на религиозном или политическом авторитете, стали вытесняться воззрениями и ценностями, вытекающими из требований рационализма и способными выдержать критику со стороны независимого индивида. Характерные ценности данной эпохи – вера во всемогущество научного знания, вера в прогресс, в необходимость освобождения человека от всевозможных оков, вера во всеобщее равенство и справедливость, верность идеалам гуманизма. И. Кант, осознававший себя частью общеевропейского движения Просвещения, в своих работах и, в частности, в знаменитых четырёх вопросах своей «*Логике*» одним из первых сформулировал проблему человека, объединившую в себе интересы познания и ценности. С тех пор множество философов и учёных, предлагавших свои ответы на вопрос: что ищет человек, познавая мир? – вы-

нуждены были признать, что, даже стремясь к объективному знанию, знанию о природе самой по себе, человек использует это знание для того, чтобы вновь и вновь переопределять своё место в мире. Это убеждение характерно в первую очередь для представителей такого направления философской мысли XX в., как экзистенциализм, скажем, для М. Хайдеггера с его понятием “забота” (*Sorge*), означающим общую вовлечённость человека в дела окружающего мира.

Однако помимо такого мировоззренческого значения познание имеет и иной аксиологический смысл, а именно: поскольку сущностные свойства вещей обслуживают ценностные интересы людей, являются средством для удовлетворения человеческих потребностей, постольку и познание этих свойств есть также ценность. И, пожалуй, именно этот аспект имел роковое значение для нашей научно-технической цивилизации. Ведь новоевропейское понятие науки (под которой понимаются прежде всего математика и естественнонаучные дисциплины) обязано своим появлением убеждению во всемогуществе научного знания, в его способности привести мир к совершенному устройству на рациональной основе. А потому, сознавая себя наиболее важной ценностью, европейская наука становится даже не столько мерилом всех прочих ценностей, сколько свободной как от груза этих ценностей (религиозных, нравственных, политических), так и от ответственности за возможные негативные последствия своей деятельности (ведь рационализм предоставляет науке право на неограниченное господство). Наука призвана обеспечить господство человека

над природой, а значит, ей позволено осуществлять всё, чтобы достичь этого господства.

Однако здесь возникает новая проблема. Отвечая на практические потребности общества, наука реализует себя в функции непосредственной производительной силы, но служение науки производству неизбежно приводит её к зависимости от торговли, промышленности и финансов. Наука, призванная постигать истину, застревает на ступени зарабатывания прибыли [38, с. 316, 410]. В настоящее время наука зависима не только от экономики, но и от политики. В политических и идеологических целях, определяемых государством или влиятельными общественными группами, наука прибегает к намеренному искажению реальности, проповедует догматизм и нетерпимость и, таким образом, превращается в свой антипод, в антинауку. Парадокс ситуации заключается в том, что наука изменяет своим идеалам в угоду тем мнимым ценностям (общественным, экономическим, политическим), которые на самом деле ценностями не являются, а чаще всего отражают очередной социальный заказ “сильных мира сего”. Философы и учёные не раз предупреждали об опасности утраты наукой своего нравственного и гуманистического смысла, что в конечном итоге может привести к гибели человечества: «Обретя возможность уничтожить жизнь на Земле, род человеческий явно не достиг ещё собственно человеческого облика ... Человеку нужно стремиться не к могуществу, а к совершенству, в центре системы ценностей должна оказаться именно необходимость его самоограничения» [17, с. 9, 14]. При-

ходится констатировать, что эти аксиологические проблемы развития науки до сих пор должным образом не решены. Поэтому вполне закономерным представляется тот факт, что сейчас мы сталкиваемся с катастрофическим несоответствием технологических возможностей, оказавшихся в распоряжении человека, и уровня его нынешнего нравственного сознания.

Таков краткий анализ аксиологического аспекта познавательной традиции. Теперь вполне ясно, что познавательная традиция представляет собой органичное единство аксиологического и эссенциального аспектов, и именно это единство сущности и ценности станет отправной точкой наших дальнейших рассуждений.

В завершение первой статьи остановимся на тех вопросах, которые необходимо предварительно решить, идя к новой авторской теории рождения и развития научного знания. Итак, мы получили важный вывод, что познавательные традиции (обозначим их T) представляют собой значительную часть содержания любой науки; для полноты описания необходимо учесть, что помимо познавательных традиций T в процессе научного познания всегда присутствуют и выполняют такую же важную роль и соответствующие оппозиции этих традиций – обозначим их как $\neg T$, или \bar{T} . Иначе говоря, базовым элементом содержания любой науки является комплекс, состоящий из определённых традиций и

их оппозиций – комплекс (T, \bar{T}) , позволяющий в значительной степени формализовать описание процесса генерации и развития научного знания. В терминах этих познавательных комплексов “традиция–оппозиция” получить новый научный результат, т. е. осуществить некое научное открытие, означает осуществить переход от наличного множества таких комплексов к принципиально новому и неизвестному – к некоему новому комплексу вида (T^*, \bar{T}^*) .

Можно схематично обозначить этот переход, т. е. принципиальную общую схему научного открытия, следующим образом:

$$(T, \bar{T}) (T^*, \bar{T}^*),$$

где массивом всех (T, \bar{T}) представлен наличный уровень познавательных традиций и их оппозиций в той или иной научной области, а познавательный комплекс (T^*, \bar{T}^*) выполняет особые функции – управленческой директивы в движении к новому научному знанию.

В дальнейшем будет детально показано, что важнейшие стороны целостного познавательного процесса можно успешно и, главное, весьма конструктивно смоделировать в виде содержательного описания движения тех или иных познавательных комплексов (T, \bar{T}) в двумерном фазовом пространстве с координатами T и \bar{T} согласно той или иной познавательной директиве, задаваемой целевым познавательным комплексом (T^*, \bar{T}^*) .

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Б.Т. Понятие традиции в герменевтике и философии науки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, политология, социология. 1996. Вып. 2. С. 3–8.

2. Античные философы: свидетельства, фрагменты и тексты / Сост. А.А. Аветисьян. Киев: Киевский государственный университет, 1955. 313 с.
3. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. 550 с.
4. Афонасин Е.В. Диофант Александрийский и неопифагорейская традиция // Философия науки. 2015. № 4 (67). С. 112–126.
5. Батулин В.К. Проблема роста (генерации) нового знания: деятельностно-феноменологический подход // Вестник Тюменского государственного университета. 2004. № 4. С. 67–73.
6. Батулин В.К. Философия науки: учеб. пособ. для студ., аспирантов и преподавателей. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 303 с.
7. Башляр Г. Новый рационализм. М.: Прогресс, 1987. 376 с.
8. Бернар Дж. Наука в истории общества. М.: Издательство иностранной литературы, 1956. 736 с.
9. Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. М.: Издательство иностранной литературы, 1961. 151 с.
10. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
11. Гайденок П.П. Эволюция понятия науки. Становление и развитие первых научных программ. М.: Наука, 1980. 568 с.
12. Горелов А.А. Философия: учеб. пособие. М.: Юрайт, 2003. 382 с.
13. Гусев С.С. Рациональность: истоки и эволюция // Философские науки. 2015. № 5. С. 42–50.
14. Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину // Декарт Р. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 250–296.
15. Злобин Н. Культурные смыслы науки. М.: Российский институт культурологии, 1997. 288 с.
16. Дынник М.А., Каменский З.А. История античной диалектики. М.: Мысль, 1972. 335 с.
17. Кисилев Г.С. Постмодерн и христианство // Вопросы философии. 2001. № 12. С. 3–15.
18. Клайн М. Математика. Утрата определенности / пер. с англ. Ю.А. Данилова; под ред. И.М. Яглома. М.: Мир, 1984. 438 с.
19. Ключанов И.Э. Истоки научного мышления: линия Платона // Философские науки. 2017. № 5. С. 43–55.
20. Кохановский В.П., Золотухина Е.В., Лешкевич Т.Г., Фахти Т.Б. Философия для аспирантов. 2-е изд. Ростов н/Д: Феникс, 2003. 448 с.
21. Кузнецова Н.И., Розов М.А. О разнообразии научных революций // Традиции и революции в истории науки / отв. ред. П.П. Гайденок. М.: Наука, 1991. С. 60–81.
22. Кун Т. Структура научных революций: монография. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
23. Ледников Е.Е. Проблема конструктов в анализе научных теорий. Киев: Наукова думка, 1969. 146 с.
24. Лекторский В.А. Теория познания (гносеология, эпистемология) // Вопросы философии. 1999. № 8. С. 72–79.
25. Лешкевич Т.Г. Философия науки: традиции и новации: учеб. пособие для вузов. М.: ПРИОР, 2001. 428 с.
26. Мареев С.Н., Мареева Е.В. История философии (общий курс): учеб. пособие. М.: Академический проект, 2003. 880 с.
27. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 39 т. Т. 21. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. 745 с.
28. Микешина Л.А., Опенков М.Б. Новые образы познания и реальности. М.: РОССПЭН, 1997. 238 с.
29. Налимов В.В. В поисках иных смыслов. М.: Прогресс, 1993. 280 с.

30. Никифоров А.Л. Философия науки: история и методология. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. 280 с.
31. Полани М. Личностное знание. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
32. Расселл Б. История западной философии: в 3 кн. / подгот. текста, науч. ред. В.В. Целищева. 2-е изд., испр.; . Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1997. 815 с.
33. Рикёр П. Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И.С. Вдовиной. М.: Академический Проект, 2008. 695 с.
34. Синеокая Ю.В. Анатомия философии: как работает текст // Философские науки. 2015. № 4. С. 132–145.
35. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
36. Сторожук А.Ю. Механизмы трансформации эпистемологических стандартов // Философия науки. 2016. № 2. С. 76–84.
37. Теория познания / под. ред. В.А. Лекторского, Т.И. Ойзермана. Т. 1–4. М.: Мысль, 1991–1995.
38. Федоров Н.Ф. Сочинения. М.: Мысль, 1982. 711 с.
39. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. 543 с.
40. Философия: университетский курс / под. общ. ред. С.А. Лебедева. М.: Фаир-пресс, 2003. 528 с.
41. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е.Ф. Губский. М.: ИНФРА-М, 2003. 575 с.
42. Франк Ф. Философия науки. М.: ИЛ, 1960. 545 с.
43. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М.: Гноз, 1993. 464 с.
44. Швырев В.С. Научное познание как деятельность. М.: Наука, 1984. 232 с.
45. Яковенко И.Г. Свежий взгляд на историю // Общественные науки и современность. 1999. № 1. С. 106–114.
46. Яковлев В.А. Бинарность ценностных ориентаций науки // Вопросы философии. 2001. № 12. С. 77–86.
47. Gadamer H.-G. Hermeneutics, tradition and reason. Cambridge, 1987. 206 p.
48. Jaspers K. Vom Ursprung und Ziel der Geschichte, 1949. 360 s.

REFERENCES

1. Alekseyev B.T. [The Concept of Tradition in Hermeneutics and Philosophy of Science]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* Ser. 6 [Bulletin of St. Petersburg University Ser. 6], 1996, Iss. 2, pp. 3-8.
2. Avetis'yan A.A., comp. *Antichnye filosofiy: svidetel'stva, fragmenty i teksty* [Ancient Philosophers: Evidence, Fragments and Texts]. Kiev, Kiev State University Publ., 1955. 313 p.
3. Aristotle. *Sochineniya. T. 1* [Works. Vol. 1]. Moscow, *Mysl'* Publ., 1976. 550 p.
4. Afonasin E.V. [Diophantus and Neopythagorean Tradition]. In: *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science], 2015, no. 4 (67), pp. 112–126.
5. Baturin V.K. [The Problem of Growth (Generation) of New Knowledge: Activity-Phenomenological Approach]. In: *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tyumen State University], 2004, no. 4, pp. 67–73.
6. Baturin V.K. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science]. Moscow, YUNITI-DANA Publ., 2012. 303 p.
7. Bachelard G. *Novyi ratsionalizm* [New Rationalism]. Moscow, Progress Publ., 1987. 376 p.
8. Bernal G. *Nauka v istorii obshchestva* [Science in History]. Moscow, Foreign Literature Publishing House Publ., 1956. 736 p.

9. Bor N. *Atomnaya fizika i chelovecheskoe poznanie* [Atomic Physics and Human Knowledge]. Moscow, Foreign Literature Publishing House Publ., 1961. 151 p.
10. Gadamer H.-G. *Istina i metod* [The Truth and Method]. Moscow, Progress Publ., 1988. 704 p.
11. Gaidenko P.P. *Evolutsiya ponyatiya nauki. Stanovlenie i razvitie pervykh nauchnykh programm* [The Evolution of the Concept of Science. Formation and Development of the First Research Programs]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 568 p.
12. Gorelov A.A. *Filosofiya* [Philosophy]. Moscow, Yurait Publ., 2003. 382 p.
13. Gusev S.S. [Rationality: the Origins and Evolution]. In: *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences], 2015, no. 5, pp. 42–50.
14. Descartes R. [Discourse on Method to Correctly Guide Your Mind and Find the Truth]. In: Descartes R. *Sochineniya. T. 1 Works. Vol. 1*. Moscow, Mysl' Publ., 1989, pp. 250–296.
15. Zlobin N. *Kul'turnye smysly nauki* [Cultural Meanings of Science]. Moscow, Russian Institute of Cultural Studies Publ., 1997. 288 p.
16. Dynnik M.A., Kamensky Z.A. *Istoriya antichnoi dialektiki* [History of Ancient Dialectics]. Moscow, Mysl' Publ., 1972. 335 p.
17. Kisilev G.S. [Postmodern Christianity]. In: *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 2001, no. 12, pp. 3–15.
18. Kline M. *Matematika. Utrata opredelennosti* [Maths. The Loss of Certainty]. Moscow, Mir Publ., 1984. 438 p.
19. Klyukanov I.E. [The Origins of Scientific Thought: Plato]. In: *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences], 2017, no. 5, pp. 43–55.
20. Kokhanovsky V.P., Zolotukhina E.V., Leshkevich T.G., Fakhti T.B. *Filosofiya dlya aspirantov* [Philosophy for Postgraduate Students]. Rostov on Don, Phoenix Publ., 2003. 448 p.
21. Kuznetsova N.I., Rozov M.A. [The Diversity of Scientific Revolutions]. In: Gaidenko P.P., ed. *Traditsii i revolyutsii v istorii nauki* [Tradition and Revolution in the History of Science]. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 60–81.
22. Kuhn T. *Struktura nauchnykh revolyutsii* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow, Progress Publ., 1977. 300 p.
23. Lednikov E.E. *Problema konstruktov v analize nauchnykh teorii* [The Problem of Constructs in the Analysis of Scientific Theories]. Kiev, Scientific Thought Publ., 1969. 146 p.
24. Lektorskiy V.A. [Theory of Knowledge (Gnoseology, Epistemology)]. In: *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 1999, no. 8, pp. 72–79.
25. Leshkevich T.G. *Filosofiya nauki: traditsii i novatsii* [Philosophy of Science: Traditions and Innovations]. Moscow, PRIOR Publ., 2001. 428 p.
26. Mareyev S.N., Mareyeva E.V. *Istoriya filosofii (obshchii kurs)* [History of Philosophy (A General Course)]. Moscow, Academic Project Publ., 2003. 880 p.
27. Marx K., Engels F. *Sochineniya. T. 21* [Works. Vol. 21]. Moscow, State Political Publishing House Publ., 1961. 745 p.
28. Mikeshina L.A., Openkov M.B. *Novye obrazy poznaniya i real'nosti* [New Images of Knowledge and Reality]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997. 238 p.
29. Nalimov V.V. *V poiskakh inykh smyslov* [In Search of Other Meanings]. Moscow, Progress Publ., 1993. 280 p.
30. Nikiforov A.L. *Filosofiya nauki: istoriya i metodologiya* [Philosophy of Science: History and Methodology]. Moscow, The House of the Intellectual Book Publ., 1998. 280 p.
31. Polanyi M. *Lichnostnoe znanie* [Personal Knowledge]. Moscow, Progress Publ., 1985. 344 p.
32. Russell B. *Istoriya zapadnoi filosofii* [History of Western Philosophy]. Novosibirsk, Publishing House of Novosibirsk University, 1997. 815 p.

33. Ricœur P. *Konflikt interpretatsii: ocherki o germenевtike* [The Conflict of Interpretations: Essays on Hermeneutics]. Moscow, Academic Project Publ., 2008. 695 p.
34. Sineokaya Yu.V. [Anatomy of Philosophy: How the Text Works]. In: *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences], 2015, no. 4, pp. 132–145.
35. Stepin V.S. *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical Knowledge]. Moscow, Progress-Tradition Publ., 2000. 744 p.
36. Storozhuk A.Yu. [Mechanisms of Transformation of Epistemological Standards]. In: *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science], 2016, no. 2, pp. 76–84.
37. Lektorsky V.A., Oizerman T.I., eds. *Teoriya poznaniya. T. 1–4*. [The Theory of Cognition. Vols. 1–4]. Moscow: Mysl', 1991–1995.
38. Fedorov N.F. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Mysl' Publ., 1982. 711 p.
39. Feyerabend P. *Izbrannye trudy po metodologii nauki* [Selected Works On Science Methodology]. Moscow, Progress Publ., 1986. 543 p.
40. Lebedev S.A., ed. *Filosofiya: universitetskii kurs* [Philosophy: a University Course]. Moscow, Fair-press Publ., 2003. 528 p.
41. Gubskii E.F. *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical Encyclopaedic Dictionary]. Moscow, INFRA-M Publ., 2003. 575 p.
42. Frank F. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science]. Moscow, IL Publ., 1960. 545 p.
43. Heidegger M. *Raboty i razmyshleniya raznykh let* [Works and Reflections of Different Years]. Moscow, Gnoz Publ., 1993. 464 p.
44. Shvyrev V.S. *Nauchnoe poznanie kak deyatelnost'* [Scientific Knowledge as an Activity]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 232 p.
45. Yakovenko I.G. [A Fresh Look at History]. In: *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 1999, no. 1, pp. 106–114.
46. Yakovlev V.A. [Binary Value Orientations of Science]. In: *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 2001, no. 12, pp. 77–86.
47. Gadamer H.-G. *Hermeneutics, Tradition and Reason*. Cambridge, 1987. 206 p.
48. Jaspers K. *Vom Ursprung und Ziel der Geschichte*, 1949. 360 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Батури́н Влади́мир Кири́ллович – доктор философских наук, академик РАН, академик Общественной ноосферной академии, академик Международной академии социальных технологий и местного самоуправления, отличник народного просвещения РСФСР;
e-mail: BaturinVK@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir K. Baturin – Doctor of Philosophy, honorary educator of the RSFSR, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Academician of the Public Noosphere Academy, Academician of the International Academy of Social Technologies and Local Self-Government;
e-mail: BaturinVK@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Батурин В.К. Познавательные традиции как предмет исследования философии науки. Общая теория генерации и развития научного знания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 1. С. 6-23.

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-1-6-23

FOR CITATION

Baturin V.K. Cognitive Traditions as an Object of Study of the Philosophy of Science. Common Theory of Generation and Development of Scientific Knowledge. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2018, no. 1, pp. 6-23.

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-1-6-23